

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. Б. Помелов

**П. Н. ШИМБИРЕВ –
КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ-ПЕДАГОГ
И ОРГАНИЗАТОР ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 37(092)

ББК 74.03(2)6-8Шимбирёв

Статья раскрывает факты биографии известного советского ученого в области педагогики и крупного деятеля в области высшего образования Павла Николаевича Шимбирёва (1883–1960). Показан его вклад в развитие педагогики и отечественного образования в 1920–1950-е гг. Охарактеризована социальная атмосфера 1930-х гг., в условиях которой осуществлялась его педагогическая деятельность.

Ключевые слова: П. Н. Шимбирёв; В. К. Беллюстин; П. О. Афанасьев; Н. К. Крупская; И. Т. Огородников; Э. И. Равкин; Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина; Барнаульский государственный педагогический институт.

V. B. Pomelov

**P. N. SHIMBIRYOV
AS A PROMINENT SCIENTIST-TEACHER
AND ORGANIZER OF EDUCATION**

The article reveals the facts of the biography of the famous scientist in the field of pedagogy and a major figure of the higher education Pavel Nikolaevich Shimbiryov (1883-1960). It shows his contribution to the development of pedagogy and national education in 1920-1950-ies. The social atmosphere of the 1930-ies, when carried out the pedagogical activities of P.N. Shimbiryov, is characterized.

Key words: P. N. Shimbiryov; V. K. Bellyustin; P. O. Afanasyev; N. K. Krupskaya, I. T. Ogorodnikov; Z. I. Ravkin; the Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin; the Barnaul State Pedagogical Institute.

Видного отечественного педагога и деятеля высшего педагогического образования Павла Николаевича Шимбирёва можно с полным основанием отнести к числу тех ученых, кто закладывал основы советской школы и педагогики. Он относился к первому поколению исследователей, воспитанных Советской властью. Можно утверждать, что П. Н. Шимбирёв в 1930–1950-е гг. был одним из наиболее значимых ученых в области педагогики. Но он был не только автором фундаментальных педагогических трудов, но и крупным организатором образования, прежде всего, высшего образования. Шимбирёв сделал так много для отечественного образования, что, несомненно, заслуживает того, чтобы о его жизни и деятельности состоялся обстоятельный очерк. Предлагаемая статья — дань памяти видному отечественному педагогу, о котором, к сожалению, сейчас мало кто помнит.

П. Н. Шимбирёв родился 29 июня (11 июля) 1883 г. в деревне Пушкино Бронницкого уезда Московской губернии в рабочей семье. В детстве он рано остался без отца; тот умер в 1889 г. В апреле 1896 г. Павел устроился в Москве «мальчиком» в кустарную мастерскую, занимавшуюся изготовлением деревянной посуды. В 1900–1901 гг. служил почтальоном в Мытищинской почтово-телеграфной конторе.

В 1901 г. П. Н. Шимбирёв поступил в учительскую семинарию в селе Поливаново Подольского уезда Московской губернии. Учеба в этом среднем педагогическом учебном за-

ведении определила его дальнейший жизненный путь. Поливановская семинария, основанная в 1874 г., была известна на всю Россию и зарекомендовала себя как учреждение, выпускавшее хорошо подготовленных, любящих свое дело классных наставников и учителей начальных классов.

Семинария имела хорошо оборудованный читальный зал, библиотеку, столярную и переплетную мастерские, а также подсобное хозяйство, где работали учащиеся, приобретая трудовые навыки и вторую, рабочую специальность. В числе преподавателей семинарии были люди, которые принесли ей славу, несомненно, лучшего учебного заведения в России подобного типа: В. К. Беллюстин (1865–1925) и П. О. Афанасьев (1874–1944). Они и стали главными наставниками П. Н. Шимбирёва. Здесь уместно сказать несколько более подробно об этих замечательных педагогах.

Всеволод Константинович Беллюстин — директор семинарии в 1903–1912 гг., известный в России методист в области математики, стремился к построению методов и приемов обучения арифметике на психологической основе. Он был автором популярных среди учителей таких методических учебных пособий, как «Методика арифметики», части 1–4 (М., 1899–1905), «Арифметические задачки для 1–4 годов обучения» (М., 1899–1905). По этим книгам занимались учителя по всей России. Позднее, уже посмертно, вышла его занимательная книга «Как постепенно дошли люди до настоящей математики» (М., 1940).

Выпускник Московской духовной академии Петр Онисимович Афанасьев начинал свою педагогическую деятельность учителем в сельской школе, затем стал работать в Поливановской семинарии. Впоследствии доктор педагогических наук, профессор П. О. Афанасьев работал в педвузах и научно-исследовательских учреждениях Москвы. Им разрабатывались вопросы методики преподавания русского языка. Любопытно также то, что будущий доктор наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР П. Н. Шимбирёв формально не имел никакого другого образования, кроме того, что получил в семинарии.

По окончании семинарии в 1904 г. П. Н. Шимбирёв работал учителем земской школы в родном Бронницком уезде до ноября 1911 г. Здесь он приобщился к революционной деятельности и в 1902 г. даже подвергся аресту на полтора месяца за хранение нелегальной литературы, а в последующие годы находился под гласным надзором полиции.

В 1906 г. последовал новый арест, и снова на полтора месяца. Основанием послужило подозрение в его принадлежности к РСДРП(б). Действительно, он состоял в Бронницкой организации партии большевиков в 1906—1908 гг., участвовал в ее деятельности в качестве пропагандиста-агитатора, но после

провала организации потерял с ней связь.

Империалистическую войну П. Н. Шимбирёв провел на фронте, что называется «от звонка до звонка», — с августа 1914 г. по февраль 1918 г. Возраст у него уже был непризывной. Поэтому и служил он в должности писаря 46-го обозного батальона, имел звание «чиновник военного времени». Некоторое время до и после войны работал страховым агентом.

С февраля 1921 г. П. Н. Шимбирёв возвратился к педагогической деятельности: несколько месяцев он работал инструктором Московского губернского союза работников просвещения, затем — заведующим отделом социального воспитания Московского городского отдела народного образования и, наконец, в 1923—1928 гг. — заведующим педагогическим техникумом им. Профинтерна. В 1928—1930 гг. он руководил в Мосгорно отделе профессионального образования¹.

В 1931 г. он назначается заместителем директора НИИ планирования и организации народного образования при Народном комиссариате просвещения РСФСР (далее — НКП). Одновременно в эти же годы (1931—1933 гг.) П. Н. Шимбирёв учится в аспирантуре этого же самого НИИ. Затем утверждается в должности профессора и заведует кафедрой педагогики в пединституте им. А. С. Бубнова (1934—1936 гг.). Кроме этого, в 1933—1936 гг.

¹ Помелов В. Б. Шимбирёв Павел Николаевич // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т.: гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 669 с. С. 582—583.

он работает в должности профессора Центрального института педагогики в Коммунистическом университете преподавателей общественных наук, в Московском областном пединституте, в Московском институте философии, литературы и искусства, то есть совмещает работу сразу в нескольких вузах.

В 1930—1931 гг. П. Н. Шимбирёв командировается в Саратов, где он исполняет обязанности зам. заведующего Нижне-Волжским краевым отделом народного образования. Далее следует новая командировка в Киров. Приказ по НКП № 947 от 17 октября 1936 г. гласил: «Директором и зав. кафедрой педагогики Кировского госпединститута назначить профессора Шимбирёва Павла Николаевича... И.о. наркома просвещения Крупская».

Ушла в прошлое демократическая традиция выборов ректоров. С 1 марта 1930 г. и вплоть до начала 1960-х гг. должность руководителя вуза стала называться «директор» и перестала быть выборной. Теперь директоров стали командировать. П. Н. Шимбирёв стал директором Кировского госпединститута (далее — КГПИ) в смутное время.

Начиналась волна репрессий. Все ректоры (директоры) этого вуза сталинского периода (Петр Николаевич Соколов, Александр Иванович Заручевский, Семен Иванович Завьяленков, Николай Андреевич Дернов, Михаил Афанасьевич Елсуков) были репрессированы, при-

чем последние трое расстреляны. В годы сталинщины были незаконно арестованы и безвинно понесли суровые наказания вплоть до расстрела более ста преподавателей этого небольшого института¹.

«Праведное негодование» в отношении первых «врагов народа» вскоре сменилось у большинства сотрудников Кировского пединститута чувством страха, стремлением «лечь на дно» и тихо переждать тревожные годы. Можно представить, как непросто было известному ученому в уже немолодом возрасте ехать в командировку в провинциальный город, название которого у него, наверно, ассоциировалось, прежде всего, с именами известных деятелей, отбывавших в Вятской губернии ссылку, — от Герцена и Павленкова до Сталина и Дзержинского. П. Н. Шимбирёв, своего рода «человек со стороны», был призван восстановить спокойствие в институте, устранить, как вспоминал он сам, элементы смятения, имевшие место в связи с арестом предыдущего директора М. А. Елсукова.

4 декабря 1936 г. П. Н. Шимбирёв приступил к работе в КГПИ. На следующий год приехала и его жена Екатерина Ивановна, которая также работала на кафедре педагогики в должности и. о. доцента, вела курс истории педагогики. Студенты тех лет запомнили ее как энергичную, деятельную женщину, доброго и умного наставника молодежи. Она была широко известна учителям страны как автор ряда брошюр, главным образом,

¹ Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края: Монография. Киров: Информ. центр, 1993. 84 с. С. 44.

по семейному воспитанию, которые в 1930–1950-е гг. выпускало издательство «Учпедгиз».

П. Н. Шимбирёв остался в памяти сослуживцев как очень скромный, гуманный и добросердечный человек. Он приложил много усилий к тому, чтобы было построено большое четырехэтажное общежитие для студентов. Здание было построено так добротнo, что потребовало серьезного ремонта лишь через полвека и то, главным образом, в связи с перепрофилированием его под нужды учебного процесса.

Более всего директор опасался того, что ему, вместо благодарности за его усилия по строительству, предъявят обвинения во вредительстве. Тогда это было в порядке вещей. Так, например, доброхоты вполне могли излить свой «праведный гнев» в каком-нибудь подметном письме в органы; дескать, стройматериалы, израсходованные на строительство общежития, могли бы пойти на более важную стройку, например, на строительство квартир для рабочих! Кстати, именно под этим предлогом в г. Кирове был взорван памятник мирового значения – Александрo-Невский собор, создававшийся по проекту А. Л. Витберга, ранее возглавлявшего строительство храма Христа Спасителя в Москве.

Предшественнику П. Н. Шимбирёва в должности директора, М. А. Елсукову, осуществившему надстройку третьего этажа учебного корпуса, в вину было поставлено недостаточно высокое качество строительства. Однако, как показали истекшие с тех пор десятилетия, работы были проведены на очень высоком

уровне; ремонт, главным образом, косметический потребовался лишь в начале 2000-х гг.

Авторитет П. Н. Шимбирёва в коллективе института был очень высок, что объяснялось, прежде всего, тем, что в ту пору он был действительно крупнейшим в стране специалистом в области педагогики и, несомненно, наиболее значительным ученым из всех, когда-либо работавших в Кировском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (далее – КГПИ) за все годы его существования.

Ему одному из первых в стране, причем без защиты диссертации, была присвоена в 1938 г., тогда только что введенная ученая степень доктора педагогических наук. (К этому решению имел отношения Ученый совет КГПИ, принявший на своем заседании 21.12.1937 г. решение ходатайствовать перед квалификационной комиссией НКП о присуждении ему ученой степени доктора педагогических наук).

Еще раньше, в 1935 г., П. Н. Шимбирёв стал профессором. Позднее, в 1955 г. он был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Все, знавшие П. Н. Шимбирёва, отмечали его необычайную строгость, суровость и принципиальность в научных вопросах. Нередко на заседаниях диссертационных советов он один из всех членов диссертационного совета прямо и открыто выступал против присуждения ученой степени тому или иному соискателю.

Выпускник Вятского пединститута 1926 года, впоследствии академик Эле Исаевич Монозон вспоминал в разговоре с автором этого материала, что Шимбирёв отличался большой прямоотой, резкой категоричностью в суждениях, кстати, на взгляд Монозона, всегда оригинальных¹.

Проявлял П. Н. Шимбирёв высокую требовательность к сотрудникам, студентам и аспирантам. Доктор педагогических наук, профессор Вятского государственного гуманитарного университета В. Ф. Сахаров (1920–2010) вспоминал, как в 1951 г., будучи аспирантом, он сдавал кандидатский экзамен П. Н. Шимбирёву. Сам-то Сахаров получил отличную отметку, а вот отвечавший перед ним фронтовик-инвалид удостоился «неуда», — в ответе он не назвал какую-то существенную книгу по теме экзаменационного билета.

О строгости П. Н. Шимбирёва нам известно и со слов нашего научного консультанта по докторской диссертации действительного члена Российской академии образования Захара Ильича Равкина, который в начале 1950-х гг. был аспирантом Павла Николаевича.

Именно П. Н. Шимбирёв привил своему тогдашнему аспиранту Равкину влюбленность в педагогику и ее историю, способствовал формированию таких неотъемлемых для

ученого качеств, как трудолюбие, научная добросовестность, гуманность и порядочность. В соответствии с существующей в среде аспирантов и докторантов шутливой традицией автор данного материала с полным основанием может считать себя научным «внуком» П. Н. Шимбирёва.

Известный Кировский краевед, первый директор Кировской диорамы «Установление Советской власти в городе Вятке», заслуженный учитель школы РСФСР, а в 1930-е гг. студент КГПИ Виктор Алексеевич Шарыгин вспоминал с улыбкой: «После того, как П. Н. Шимбирёв поставил мне на экзамене по педагогике высший балл, ни у кого из преподавателей рука не поднималась в дальнейшем ставить мне более низкую отметку. Так и окончил институт отличником»².

Э. И. Монозон отмечал, что особенностью стиля научной работы Шимбирёва была глубокая связь со школьной практикой, стремление к изучению и обобщению педагогического опыта в целях совершенствования педагогической теории и учебно-воспитательной практики.

П. Н. Шимбирёв был автором *первого* в СССР учебника по педагогике для педагогических техникумов (1934) и педагогических училищ (1940). Он занимался составлением программ для пединститутов, разрабатывал проблемы истории и теории

¹ Помелов В. Б. П. Н. Шимбирёв: человек со стороны // Государственная служба в России: региональный аспект: сб. материалов. Вып. 1 / Рос. гос. гуманит. ун-т, Фил. в г. Кирове; [авт.-сост.: В. Б. Помелов, М. Ф. Соловьева; отв. ред. С. В. Мудролюбова; рец. А. В. Скутнев]. Киров: РГГУ, фил. в г. Кирове, 2008. 97 с. С. 10–15. С. 12.

² Помелов В. Б. Павел Николаевич Шимбирёв. В сб.: Ректоры ВятГГУ: сост. В. А. Бердинских. Киров, 2004. 178 с. С. 79

педагогического образования, дидактики, методики нравственного воспитания, а также истории педагогики.

О характере научных интересов его супруги говорят названия ее работ, вышедших в издательстве «Учпедгиз» в 1950-х гг., например: «Воспитание навыков и привычек культурного поведения учащихся начальной школы».

Как вспоминал его студент, а впоследствии доктор педагогических наук, профессор Борис Зиновьевич Вульфов П. Н. Шимбирёв, бывший учитель, хорошо знал жизнь школы и читал свои лекции доходчиво, аргументируя теоретические положения фактами и материалами из школьной практики.

В годы «кировской командировки» Шимбирёв усиленно работал над учебником по педагогике для педагогических училищ. Этот учебник вышел в 1940 г. В отличие от принятой в то время структуры курса в этом учебном пособии освещение основ воспитания предшествовало изложению основ дидактики. Тем самым, им выдвигалась и была реализована идея приоритета процесса воспитания по отношению к процессу обучения. В разделе, освещавшем вопросы воспитания, подробно раскрывались цель и содержание воспитательного процесса, его особенности на различных возрастных этапах, подчеркивалось единство общего и политехнического образования, и намечались пути их осуществления в начальной школе. Подробно анализировал автор учебника задачи воспитания детей в дошкольный период их жизни, глубоко раскрывал проблемы дидактики на-

чального обучения и их возрастную специфику. Обстоятельно были освещены вопросы школоведения, а именно: проблемы управления народным образованием и руководство школой, функции и задачи директора школы и его заместителя, педагогические требования к школьным знаниям, мебели, учебному оборудованию. Сама постановка вопросов школоведения носила для того времени новаторский характер, по существу, она ставилась впервые в учебнике по педагогике.

И все-таки наиболее существенной частью учебника был раздел дидактики. Учитель, прочитавший учебник, получал конкретное и полное представление о структуре урока как основной форме учебной работы, о методах и приемах обучения в начальной школе; в книге была показана возрастная специфика их использования.

Особую актуальность учебнику П. Н. Шимбирёва придавало то обстоятельство, что в 1930-е гг. были приняты постановления ЦК ВКП(б), в частности, постановление «О начальной и средней школе» от 05.09.1931 г., нацелившие педагогов на исправление допущенных по вине руководителей НКП ошибок, связанных с использованием таких методов обучения, как Дальтон-план, лабораторно-бригадный метод и учебные комплексы, некритически заимствованных из буржуазной педагогики.

Отказавшись от этих методов, надо было что-то предложить учителю взамен. В учебнике П. Н. Шимбирёва и давалось подробное изложение «новых старых» методов, таких, как систематическое изложение учеб-

ного материала, беседа, лабораторные занятия, работа учащихся с книгой, письменные и графические работы учащихся, экскурсия, проверка знаний и оценка успеваемости школьников.

То, что сейчас представляется любому учителю само собой разумеющимся, П. Н. Шимбирёву приходилось отстаивать в борьбе мнений, где аргументом подчас служила не научная доказательность, не логика и конкретные результаты практической деятельности, а доносы, клевета, письма в «соответствующие инстанции». Умом понимаешь тот факт, что сталинский режим развращал людей, делал их доносчиками, лгунами, предателями. Но сердцем это начинаешь чувствовать лишь тогда, когда знакомишься с конкретными судьбами людей. Бесстрастные, пыльные газетные подшивки доносят до нас сквозь десятилетия живое, а подчас и смрадное дыхание давно ушедшей, но по-прежнему будоражащей эпохи.

Для того чтобы читатель мог представить, какой была общественная атмосфера в те годы, какого рода материалами заполнялись страницы Кировской прессы, наконец, с какими людьми приходилось работать П. Н. Шимбирёву, воспроизведем статью секретаря парткома КГПИ Александра Ивановича Чечкова, опубликованную в «Кировской правде» 27.06.1937 г. под названием «Тактика троцкистского двурушника Черешнёва».

Вот что писал А. И. Чечков: «После разоблачения бывшего директора Кировского пединститута троцкиста Елсукова преподаватель

педагогике того же института, член партии Черешнёв развил большую активность. Он начал строчить статьи и заявления, «изобличающие» уже разоблаченного Елсукова в троцкизме. Свои статьи Черешнёв пытался пристроить в стенгазету института, в «Кировскую правду». Так как в этих статьях сообщались только факты, уже давно известные партийным органам и общественности, то редакции их не печатали. Черешнёв выражал возмущение, негодовал, вопил, что его сигналы зажимаются, требовал расписки в том, что его статьи, «разоблачающие» Елсукова, находятся в портфеле редакции. «Активность» Черешнёва, направленная на «разоблачение» уже разоблаченных врагов, показалась подозрительной.

И, действительно, дальнейшие события показали, что эта «активность» была средством маскировки ловкого, изворотливого, наглого двурушника. 3 июня на собрании студентов и научных работников института в прениях по докладу о вредительстве в педагогике (!!! — В. П.) Черешнёв выступил с большой речью. Он громил всех и вся, обвиняя всю партийную организацию института в попустительстве врагам. В ораторском пылу Черешнёв ненароком проговорился о каких-то своих колебаниях в прошлом. Тут же спохватившись, он попытался сделать вид, что ничего не было сказано.

Но было уже поздно. Парторганизация еще больше настрожилась и потребовала объяснений. Тут запутавшийся мерзавец выкинул новый трюк: «заболел», представил, что объяснение написать не в

состоянии. Парторганизация начала распутывать клубок. Выяснилось, что в 1923—1924 гг., когда Черешнёв учился в Центральном институте организаторов народного образования в Москве, он стоял целиком на троцкистских позициях. По партийным документам числился рабочим, а на деле двенадцать лет был монахом Троице-Сергиевской лавры, окончил духовную семинарию, во время империалистической войны получил чин штабс-капитана и орден Станислава. Во время работы в пединституте Черешнёв вредил, как только мог. Делая доклад о VII съезде Советов, он допустил троцкистские выпады против нашей страны. Цитировал произведения обер-бандита Троцкого. Протаскивал в работе осужденный партией бригадно-лабораторный метод. Заводил склоку, ввел термин «елсуковщина», клеветал на партийных руководителей.

Дело Черешнёва (уже «дело!» — В. П.) показывает еще раз, как ловко маскируются заклятые враги нашей партии — троцкистские и правые японо-немецкие шпионы и вредители. Для маскировки они используют все методы и средства. Надевают личину «активистов», произносят громовые речи о бдительности, требуют самой суровой кары для своих же пойманных сподвижников, чтобы самим остаться в тени, сохранить кадры контрреволюционного подполья. Чтобы замести свои преступные следы, они обвиняют честных коммунистов в попустительстве врагу. На примере тактики гада Черешнёва видно, до каких пределов довела «искусство» двурушничества

троцкистская банда».

Едва ли стоит что-то добавлять к процитированному выше. Несколько слов о Максиме Антоновиче Черешнёве. Родился в 1886 г. в Рязанской губернии, в гражданскую войну сражался на стороне Красной Армии, сотрудник ЧК. Далее — на педагогической работе. Биография по тем временам обычная.

Любопытна ссылка Чечкова на так называемый бригадно-лабораторный метод, «осужденный партией». «Протаскивание» этого метода ставится им Черешнёву в вину. А ведь в 1920-е гг. он насильственно вводился в учебных заведениях — от школ до институтов. Те же, кто отказывался его протас... проводить в жизнь, подвергались репрессиям. А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет, что в лагерях был целый поток педагогов, которым в вину ставилось только одно, а именно — отказ работать, используя этот и подобные ему методы. Спустя несколько лет те, кто все-таки как-то приспособился к этим методам, опять-таки подверглись гонениям, — теперь уже за их использование.

1920-е — начало 1930-х гг. были временем методических исканий в педагогике. Прежняя система образования была отринута. В поисках новых идей в обучении педагоги обратились к творчеству западных, прежде всего, американских, ученых, таких, как Д. Дьюи, Э. Дьюи, Э. Паркхерст. Некритическое усвоение их методов нанесло большой ущерб качеству образования в школах и вузах. Так, например, согласно Дальтон-плану,

учебное время студентов делилось на три части: лекции, занятия в группах с преподавателем в роли консультанта и дни самостоятельной работы.

В «теории» все выглядело вроде бы неплохо, но на практике ничего не выходило. Возможностей для организации полноценной самостоятельной работы не было: не хватало книг и учебников, аудиторий, оборудования. Многие студенты тратили эти дни на поиски дополнительного заработка. К тому же далеко не каждый обладал навыками самостоятельной работы.

Все это сильно снижало качество подготовки учителей. В ходе использования бригадно-лабораторного метода учебные задания давались не каждому в отдельности, а целой бригаде, состоявшей из четырех-шести человек. По выполнению задания один из членов бригады, самый бойкий и знающий, отчитывался, а остальные согласно кивали головами. Получалось нечто вроде игры «Что? Где? Когда?».

Конечно, при таком методе, точнее, при такой его «интерпретации», студентам можно было не утруждать себя работой. Тогдашний заместитель директора по учебной работе КГПИ В. М. Дьяконов вспоминал в разговоре с нами: «Индивидуальная работа студентов растворилась в работе бригады; известная часть студенчества весь процесс учебы ограничивала бригадной проработкой вопросов, большей частью в форме беседы между собой членов бригады. При этом основная тяжесть работы выпадала на наиболее сильных по подготовленности студентов; слабые студенты, иногда не проработав самостоятельно учебного

материала по книге, усваивали предмет со слов бригадира или сильных студентов в процессе так называемой бригадной проработки. Вместе с тем, наличие сильных и слабых студентов в одной бригаде приводило к замедлению хода работы сильных студентов. А вот как проходили зачеты. Знания студентов оценивались не преподавателями, а самими студентами путем... голосования. Председатель из студентов спрашивал: «Кто за то, что Иванов материал знает?» — «Знает, знает, конечно, знает!» — хором отвечали студенты. Преподаватель при сем лишь присутствовал. Как правило, подобная «сессия» заканчивалась успешно. Правда, это «новгородское вече» продержалось недолго, и в начале 1930-х гг. было отменено. Ввели студенческие зачетные книжки и экзаменационные ведомости, организована сдача экзаменов по триместрам».

Еще один конкретный эпизод, характеризующий атмосферу в тогдашней преподавательской среде. Директор П. Н. Шимбирёв стремился привлечь к работе в институте, хотя бы на короткий срок, видных ученых «со стороны», прежде всего, разумеется, столичных. В частности, его внимание привлек доктор наук, профессор Михаил Михайлович Кудрявцев, 1884 года рождения, выпускник Московского университета (1905–1910), работавший в ряде вузов Москвы и Саратовском университете. М. М. Кудрявцев стажировался в Германии, Швейцарии и Италии, в досоветское время, разумеется. Отзывы специалистов о нем были самые восторженные. В своих письмах

к М. М. Кудрявцеву Шимбирёв в самых льстивых выражениях приглашал его в Киров, и, наконец, маститый московский ученый дал свое согласие поработать в периферийном вузе. Однако пробыл он в Кирове совсем недолго: всего лишь с 7 июля по 13 декабря 1937 г. он занимал должность и.о. декана естественно-географического факультета и зав. кафедрой географии. Его приезд нарушил карьерные планы другого преподавателя. И как на грех, именно того, кто на протяжении целого ряда лет был главным «информатором» в КГПИ и, кстати, прожил 90 лет!

П. Н. Шимбирёву быстро дали понять «что к чему». В итоге, М. М. Кудрявцев получил на руки справку за подписью директора от 16 декабря 1937 г., в которой отмечалось, что он, Кудрявцев, уволен «в связи с низким научным уровнем его лекций и политическими ошибками в преподавании...».

В 1937 г. П. Н. Шимбирёв неоднократно бывал в Москве, решая финансово-материальные, кадровые и научные вопросы. Начальник управления высшей школы Наркомпроса РСФСР Мария Платоновна Орахелашвили в этот период постоянно приглашала его для участия в работе научных конференций по педагогике. Однако уже в декабре того же года документы на имя П. Н. Шимбирёва шли в Киров за подписью «и. о. начальника управления высшей школы Александрова», а затем за подписью Двухшерстова. Сама Орахелашвили и ее муж Мамия (псевдоним — *Иван*) Дмитриевич

Орахелашвили, известный государственный и политический деятель того времени, занимавший должность секретаря Президиума ЦИК СССР, а ранее работавший председателем СНК Закавказской ССР, 10 августа 1937 г. были приговорены к расстрелу.

Трагическая судьба М. П. Орахелашвили приоткрывает завесу тайны над тем, почему все-таки П. Н. Шимбирёв оказался в Кирове. После постановлений ЦК ВКП(б) о школе и о запрете педологии («О педологических извращениях в системе наркомпросов», 04.07.1936 г.), научного течения, которое прежде усиленно насаждалось, положение ряда московских ученых, прежде всего, педологов, психологов и педагогов, стало крайне неопределенным и даже опасным. Некоторые предпочитали уехать в провинцию и там переждать лихое время. Таким путем Орахелашвили пыталась, увы, безуспешно, спасти знаменитого профессора Марию Васильевну Крупенину, направив ее в Томский университет.

В случае с П. Н. Шимбирёвым все обошлось для него благополучно: крупная жертва в Кирове (директор КГПИ в 1932—1936 гг. М. А. Елсуков) была принесена ранее. Приказом наркома П. А. Тюркина от 16.03.1938 г. № 438 П. Н. Шимбирёв был освобожден от обязанностей директора. На его место был назначен следующий командированный, и тоже преподаватель педагогики Филипп Селиверстович Орешков.

Последующие годы жизни Шимбирёва были не менее плодо-

творными. Приказом по НКП от 29 июля 1941 г. он был назначен директором Барнаульского педагогического института. И снова, как это имело место в случае с Кировской командировкой, он приехал на место ранее репрессированного директора Андрея Петровича Юферова. Был арестован и заместитель директора Федосей Сидорович Козырь.

По сравнению с КГПИ, открытым в 1914 г., барнаульский вуз имел куда более короткую историю: Барнаульский учительский институт был учрежден лишь 1 сентября 1933 г., а переименован в пединститут в 1941 г. Здесь супруги Шимбирёвы и их дочь Ирина, преподаватель биологии, работали в течение двух лет. Вместе с ними в этот тыловой город были переведены многие известные специалисты. Например, филолог Геннадий Николаевич Поспелов, ранее работавший в Московском институте философии, истории и литературы имени Н. Г. Чернышевского.

Из Калининского пединститута приехали филологи Вансловы Владимир Владимирович и Мария Леонидовна. В. В. Ванслов стал заместителем директора института; их сын Виктор, родившийся в г. Вятке в 1923 г., ныне здравствующий, крупнейший российский ученый-культуролог¹.

Много лет П. Н. Шимбирёв входил в состав редколлегии журнала «Советская педагогика». Вместе

с известным ученым, уроженцем Котельничского уезда Вятской губернии Иваном Трофимовичем Огородниковым, он выпустил учебники по педагогике для учительских институтов (1946) и пединститутов (1954). Эти учебники приобрели большую и заслуженную популярность среди педагогов страны. Идеи, заложенные в них, структура построения учебного материала, во многом и сам фактический материал, и другие принципиальные моменты, послужили своего рода фундаментом для составления учебников учеными следующих поколений.

П. Н. Шимбирёв принимал активное участие во всех педагогических дискуссиях 1940–1950-х гг., отстаивая ту точку зрения, какую ему подсказывала его высокая научная компетентность. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть советские педагогические журналы тех лет, прежде всего, журнал «Советская педагогика». В эти годы он продолжал оставаться одним из наиболее крупных ученых-педагогов².

П. Н. Шимбирёв не забывал КГПИ. Работая в 1946–1949 гг. начальником отдела педвузов Министерства высшего образования СССР, а позднее, участвуя в работе комиссий Министерства просвещения РСФСР, он поддерживал связи с работниками Кировского института.

В своих неопубликованных воспоминаниях, датированных 27-м

¹ Помелов В. Б. В. В. Ванслов: выдающийся искусствовед из Вятки // Вопросы педагогики. 2018, №10. С. 116–120. С. 116.

² Помелов В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв.: Монография. Киров, 2013. 1200 с.

сентября 1958 г., он тепло отзывался о своих Кировских коллегах, в частности, о секретаре парткома Петре Захаровиче Мосунове, ставшем в дальнейшем первым ректором Кировского политехнического института (1963–1965).

Умер П. Н. Шимбирёв 22 декабря 1960 г. Он один из немногих ученых-педагогов (наряду с А. С. Макаренко, Н. А. Константиновым, Е. Н. Медынским) похоронен на Новодевичьем кладбище столицы¹. Истекшие после его смерти десятилетия подтвердили значимость педагогического наследия этого крупного ученого.

Список литературы

1. Помелов, В. Б. Шимбирёв Павел Николаевич / В. Б. Помелов // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т.: гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. — 669 с. — С. 582–583.
2. Помелов, В. Б. Педагоги и психологи Вятского края: Монография. / В. Б. Помелов. — Киров: Информ. центр, 1993. — 84 с.
3. Помелов, В. Б. П. Н. Шимбирёв: человек со стороны / В. Б. Помелов // Государственная служба в России: региональный аспект: сб. материалов. Вып. 1 / Рос. гос. гуманит. ун-т, фил. в г. Кирове; [авт.-сост.: В. Б. Помелов, М. Ф. Соловьёва; отв. ред. С. В. Мудролюбова; рец. А. В. Скутнев]. — Киров: РГГУ, Фил. в г. Кирове, 2008. — 97 с.
4. Помелов, В. Б. Павел Николаевич Шимбирёв / В. Б. Помелов // В сб.: Ректоры ВятГГУ: сост. В. А. Бердинских. — Киров, 2004. — 178 с.
5. Помелов, В. Б. В. В. Ванслов: выдающийся искусствовед из Вятки / В. Б. Помелов // Вопросы педагогики. — 2018. — №10. — С. 116–120.
6. Помелов, В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв.: Монография / В. Б. Помелов. — Киров, 2013. — 1200 с.
7. Помелов, В. Б. П. Н. Шимбирёв — ученый и директор Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина / В. Б. Помелов // Тринадцатые Петряевские чтения: мат-лы Всерос. научной конф. / сост., науч. ред. М. С. Судовиков. — Киров, ИД «Герценка», 2018. — 278 с.

¹ Помелов В. Б. П. Н. Шимбирёв — ученый и директор Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина // Тринадцатые Петряевские чтения: мат-лы Всерос. научной конф. / сост., науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, ИД «Герценка», 2018. 268 с. С. 133–145. С. 145.